

Е.А. Оглезнева

ЯЗЫК РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СВЯЗИ С ВОЛНООБРАЗНЫМ ХАРАКТЕРОМ ЭМИГРАЦИИ НА ВОСТОК

(к вопросу о социальной обусловленности
языковых явлений)

*The article devoted to the language of Russian
emigration in the China on the XX century.*

Один из основоположников отечественной социолингвистики Е.Д. Поливанов среди ее проблем в числе первых называл определение языка как социально-исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения и изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями [1, с. 186]. Языковое воплощение конкретные социально-исторические факты получают в различных формах существования языка.

Понятие «формы существования языка» принадлежит к числу центральных понятий социолингвистики, которое отражает социальную дифференциацию языка, находящуюся в фокусе данного раздела языкознания [2, с. 25; 3, с. 14; 4, с. 31; 5, с. 14]. Формы существования языка можно рассматривать как единицы его социальной дифференциации, состав и языковая специфика которых различны в разных языках, а также в одном и том же языке, но в различные периоды его развития. Важно также, что «всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социальные... изменения в жизни того коллектива, достоянием которого язык этот является» [6, с. 100].

Традиционно выделяются следующие формы существования русского языка: литературный язык, территориальные диалекты, просторечие, профессиональные и социальные жаргоны. Каждая из выделяемых форм существования языка, или его подсистем, характеризуется, во-первых, своим собственным составом носителей, или социальным субстратом, а во-вторых, набором коммуникативных средств и характером их использования [5, с. 34].

Существуют мнения, что современный русский язык репрезентируется большим количеством форм, чем обычно принято выделять. Так, Ю.Н. Караулов в 1991 г. в докладе на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики», отвечая на вопрос «Что такое «русский язык»?», назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования: это невзрачный, мертвый язык, существующий лишь в письменной форме и зафиксированный в древнерусских и старорусских текстах, а также в текстах нового времени, т.е. XVIII и, вероятно, отчасти XIX веков (1), диалектный русский язык (2), язык художественной литературы, прозы и поэзии, а также язык прессы (3), разговорную литературную речь и просторечие (4), научный и научно-технический язык (5), русский язык, используемый в машинной среде, в информационных и вычислительных системах (6), неисконную русскую речь, т.е. речь людей, для которых русский язык не родной (7). «И последнюю, восьмую форму существования русского языка, — отмечал Ю.Н. Караулов, — мы можем видеть в языке русской эмиграции. Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уж не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие

из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [7, с. 7-8].

Ю.Н. Караулов подчеркнул, что все перечисленные им «ипостаси — вместе и по отдельности — есть русский язык, и это никакие не стили, а формы его существования, в большей или меньшей степени взаимодействующие одна с другой и составляющие каждая объект определенной отрасли русистики [7, с. 9].

Достаточным основанием для отнесения языка русского зарубежья к числу форм существования национального языка является обладание им рядом признаков. Кратко охарактеризуем эти признаки.

1. Язык русской эмиграции имеет свой собственный **состав носителей**: это эмигранты из России и их потомки, в разной степени владеющие русским языком.

2. Русский язык в зарубежье **закреплен за определенными условиями коммуникации**. В нашем случае это: а) ситуативная закрепленность, когда родной русский язык используется в ситуациях естественного, неофициального устного общения в домашнем кругу или с членами русской диаспоры; б) публичное общение через **печатное** слово в эмигрантской периодике, а также в художественной и мемуарной литературе. Использование русского языка в зарубежье в официальных ситуациях также возможно, но это скорее отступление от общего правила, оно не является типическим и тем более обязательным.

3. Русский язык в зарубежье характеризуется **набором функций**, включающим как общие, так и частные, в том числе связанные с необходимостью этнического самосохранения и потому обладающие особой актуальностью в условиях эмиграции.

4. Русский язык зарубежья функционирует в **территориальном отрыве** или территориальном отделении от метрополии. В ряде случаев этот отрыв усугубляется изоляцией от метрополии, невозможностью поддерживать связь с родиной, идеологическим барьером, что выступает мощным консервативным фактором для языка. Территориальный отрыв русских эмигрантов от метрополии означал также необходимость контактирования с другими языками и неизбежность их влияния на русский язык в эмиграции.

Рассеянность по миру, территориальная отдаленность большой группы русских от метрополии позволили определять их как зарубежную Россию [8, с. 8; 9, с. 240] или «отечество людей, лишенных государственности» [10, с. 193].

5. Язык русской эмиграции обладает собственной **языковой спецификой**, обусловленной различными факторами как лингвистического, так и социолингвистического свойства. Примеров анализа эмигрантской речи, обнаруживающего ее специфичность, достаточно в научной литературе последнего десятилетия, и они демонстрируют особенности русского языка в эмиграции на разных уровнях системы: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом [11; 12; 8 и др.].

Специфика языка русского зарубежья во многом предопределена составом носителей, который сложился в результате социальных изменений. Еще Е.Д. Поливанов писал о том, что «путей или способов, какими могут экономические (и политические) или вообще культурно-исторические явления воздействовать на языковую эволюцию, много, но в качестве основного момента здесь нужно указать на следующее: экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [1, с. 86]. Так, представители первой, послереволюционной волны русской эмиграции на Запад были носителями «языка русской интеллигенции», которые «обуславливали кастовый характер прежнего стандарта (благодаря чему владение «интеллигентской речью» вмес-

те с такими ее фонетическими признаками как умение произносить гласные и согласные иностранных слов служило внешним признаком интеллигента, наряду с костюмом и знанием правил старой орфографии» [13, с. 213].

Русские эмигранты (независимо от волн), оказавшись в новых условиях, испытывали влияние иной языковой и культурной среды, что оказывало безусловное воздействие на их русский язык. Степень воздействия была различной в зависимости от волны и мотивов эмиграции, а также поколения эмигрантов [11, с. 35-50].

Известна точка зрения, согласно которой язык русской эмиграции относят к особой подсистеме русского литературного языка XX в. Так подходит к русскому эмигрантскому языку в западном зарубежье Л.М. Грановская, указывая на ряд его важных отличительных признаков (семантических, стилистических, фразеологических, композиционно-тематических), позволяющих назвать язык русского зарубежья подсистемой литературного языка [14, с. 3]. Это замечание справедливо по отношению к письменной русской речи в зарубежье: публицистической и мемуарной литературе, периодической печати. Однако язык зарубежья, как восточного, так и западного, существовал и в устной разговорной форме, также обнаруживающей как специфические, так и общие черты с разговорной речью в метрополии. Поэтому понятию «язык русского зарубежья» тесно в рамках термина «подсистема литературного языка», «стиль литературного языка», и по достаточному числу признаков он может быть отнесен к самостоятельной системе в рамках системы национального языка.

Такая форма существования русского языка как язык зарубежья сложилась исторически. В XX в. ее возникновение связано с важными историческими событиями.

Следует различать две ветви эмиграции из России в XX в. – западную и восточную, каждая из которых имела волнообразный характер. Лишь одна из волн эмиграции на Запад и на Восток совпала по времени и по мотивам бегенства за рубеж. Это послереволюционная эмиграция, причиной которой стали октябрьские события 1917 г., за которыми последовала смена власти, что сделало существование достаточно большой части российского населения в стране невозможным. Представители дворянства и других высших слоев тогдашнего общества, а также не согласная с новым строем высокообразованная интеллигенция вскоре после октябрьских событий были вынуждены покинуть родину и образовать русские колонии в странах Европы, а позднее – Америки, Азии, Африки, Австралии. Центрами русской эмиграции в послереволюционное время стали Париж, Берлин, Прага – в Европе, Харбин – в Азии.

Как отмечают исследователи, на протяжении XX в. случилось несколько волн эмиграции из России на Запад – в Европу, и на Восток – в Азию [11, с. 35; 8, с. 8; 15, с. 70; 16, с. 18-19; 17, с. 42], и эти волны качественно различались по мотивам эмиграции, отношению к России и ее языку.

Массово уехавшие из России на Запад после Октября русские составили лишь первую – послереволюционную – волну русской эмиграции. На Запад эмигрировали преимущественно аристократы, высокообразованные носители «языка русской интеллигенции» [13, с. 213], более демократичными по составу оказались беженцы на Восток. И те и другие рассматривали свое бегенство как временное состояние, и это определяло их охранительное отношение к своему языку и собственной этнической принадлежности.

Вторая волна – «военная», по направлению только западная, – была представлена русскими, которые в период Второй мировой войны оказались за пределами России, будучи пленными или угнанными на работу в Германию. Важно, что по социальному составу эта волна существенно отличалась от первой [16, с. 18], ее составляли обычные советские граждане.

Третью волну русской эмиграции на Запад условно называют «диссидентская», она пришлась на 70-е гг. XX в., когда из страны добровольно уезжала или изгонялась творческая интеллигенция. Для ее представителей характерно отношение к русскому языку как культурной ценности, с которым они часто были связаны профессионально, альтернативой ему выступал язык новой страны, который они, как правило, знали до эмиграции [11, с. 41].

И, наконец, четвертая волна – «постперестроечная», или «экономическая» [11, с. 43] – это массовый отъезд из России в 90-е гг. представителей различных социальных групп в поисках лучшей доли и с желанием быстрее ассимилироваться в чужой культурной и языковой среде, а значит, без осознанной необходимости сохранить родной язык.

Представленные волны русской эмиграции в XX в. характеризуют ее западную ветвь. Восточный вектор эмиграции из России в XX в. был направлен в страны Тихоокеанского региона, прежде всего в Китай, где форпостами эмиграции являлись Харбин, Шанхай, Тяньцзинь. Эмиграция на Восток была довольно многочисленной: так, в 20-е гг. численность русских в Китае достигла, по некоторым данным, 400 тыс. человек [18, с. 264]. Восточная эмиграция русских находится в общем историко-культурном контексте российской эмиграции, однако обладает рядом специфических черт, определяющих ее своеобразие и феноменальность.

Русские в Северо-Восточном Китае – Харбине и его окрестностях – появились двумя десятилетиями раньше октябрьских событий в России. Возникновение русской колонии в Китае в начале XX в. было связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги согласно заключенному в Москве 22 мая 1896 г. секретному договору между Россией и Китаем о союзе и постройке КВЖД [19, с. 51]. Срок договора определялся в 80 лет. В течение этого времени руководство дорогой должно было осуществляться Правлением Общества КВЖД, а сама дорога должна находиться в общем пользовании двух государств [19, с. 54;]. Строительство железной дороги через Маньчжурию было выгодно как России, так и Китаю.

Первые партии русских инженеров отправились на Дальний Восток для возведения железной дороги в апреле 1897 г., ровно через год русскими начал строиться город Харбин, ставший сердцем КВЖД [19, с. 54], а по линии КВЖД возникали поселки с русским населением, обслуживающим дорогу. Таким образом, к моменту Октябрьской революции 1917 г. и последовавшего за ней массового бегенства из России Харбин и станции вдоль линии КВЖД представляли собой обустроенную по русскому типу территорию.

Справедливо характеризует роль КВЖД для восточной эмиграции Н.Е. Аблова: «КВЖД... оказала решающее воздействие на историю российской послеоктябрьской эмиграции в Китае. Такое влияние оказалось возможным потому, что строительство и функционирование дороги привело к появлению в Маньчжурии своеобразного «государства в государстве» – так называемой полосы отчуждения КВЖД. Это был феномен – оазис российской жизни на китайской земле. Именно существование многотысячной российской колонии, живущей во всех отношениях по-русски, привлекало сюда с конца 1917 г. беженцев из России. Дорога давала эмигрантам все: кров, возможность жить, работать, растить детей в привычных для них условиях и русских традициях. Поэтому судьба русских в Маньчжурии напрямую зависела от международно-правового статуса КВЖД и его изменения» [19, с. 393].

Как мы указывали, восточная эмиграция также имела волнообразный характер, но волны восточной эмиграции не были абсолютно тождественными с волнами западной эмиграции.

Первая крупная переселенческая волна на Восток – это отъезд граждан России в Китай на строительство КВЖД и образование в связи с этим русскоязычной колонии. Социальный состав русской колонии был неоднороден: инженеры-строители и члены их семей, российские подданные, принятые на обслуживание дороги, а также казаки и отставные нижние чины. Кроме того, «в полосе отчуждения появлялись и свободные переселенцы из России. К ним относились представители торгово-промышленного класса, мелкие ремесленники, домашняя прислуга и пр.» [20, с. 563], а также другое гражданское население, занятое в образовании, здравоохранении и т.п. [19, с. 122]. До событий 1917 г. в России русские в Китае жили по законам своей страны. С позиций того времени это и не эмиграция вовсе: уехавшие строить железную дорогу граждане России не принимали китайского гражданства, и лишь последующее развитие событий в России привело к тому, что они стали вынужденными эмигрантами. На «трудовой характер ранней эмиграции в Китай» указывала Н.Н. Аблажей [21, с. 242].

Вторая волна восточной эмиграции связана непосредственно с изменением политической власти в России, и ее, как и первую волну эмиграции на Запад, можно назвать послереволюционной. Эмиграцию 1917-1922 гг. исследователи определяют как добровольно-вынужденную: «... не было каких-либо юридических актов – указов, декретов, постановлений, – вынуждавших тех или иных людей покидать Россию. Они выезжали добровольно, но эта добровольность была вынужденная. Их побуждало к эмиграции неприятие происшедших перемен, опасность репрессий за участие в «белом» движении, за его поддержку» [9, с. 240].

Послереволюционная волна эмиграции на Восток имела отличия от западной, в частности по составу эмигрантов. Среди беженцев на Восток были не только и не столько представители привилегированных слоев российского общества, интеллигенты, но и в большом количестве – солдаты белой армии, рабочие, крестьяне и казаки (68,7%). «Многие мобилизованные на военную службу, а также добровольцы отправились в эмиграцию семьями. Таких было 32%. Дворянство, высшее офицерство, крупные коммерсанты, чиновники и члены их семей составляли 5,95% всей эмиграции. Мещанство представляло 9,5% эмигрантов. Около 10,9% приходилось на чиновников и представителей интеллигенции. Среди харбинских эмигрантов были политические деятели, ученые, писатели, журналисты и др.», – указывала С.И. Лазарева [9, с. 240] со ссылкой на цифры, представленные Н.П. Дубининой и Ю.Н. Ципкиным [22, с. 72-73].

Принципиальное отличие послереволюционной волны эмиграции на Запад от таковой на Восток состояло еще и в том, что в западном варианте русские эмигранты оказывались на чужбине в полном смысле этого слова, а в восточном – русские беженцы попадали на чужую, но обустроенную соотечественниками территорию: как в российскую провинцию, которой не коснулись бури революции, и находили там русский город с привычным патриархальным укладом, что и обуславливало иное положение и мироощущение русской восточной эмиграции.

Вновь прибывшие в начале 20-х гг. соотечественники нарушили размеренную жизньграничной русской провинции личной и социальной неустроенностью. Первоначально непростыми были отношения между представителями первой и второй волн, поскольку возникла напряженность при трудоустройстве, так как «многие работодатели, особенно в сфере обслуживания, отдавали предпочтение при приеме на работу именно беженцам, считывая на их непритязательность, уверенные в том, что беженцы будут довольствоваться условиями, которые им предложат» [23, с. 164-165].

В 1920 г. политико-правовое положение русских в Китае существенно ухудшается: декретом президента Китай-

ской республики от 23 сентября отменяется экстерриториальность царской России, после чего оказываются фактически **уравненными в своем положении** русские, уехавшие в Китай строить КВЖД, и русские, бежавшие в Китай от революции. «Появилась проблема бесподданства поселенцев. Теперь они являлись апатридами, т.е. лицами без гражданства. Царской России не стало на политической карте мира, к большевистской России поселенцы не принадлежали, китайского гражданства не имели. Их правоспособность как апатридов была ограничена, и они не подлежали дипломатической защите как иностранцы других государств в силу международных договоров. Русские эмигранты, прибывшие в Маньчжурию до революции 1917 г., и беженцы, появившиеся здесь после нее, оказались в одинаково бесправном положении» [23, с. 166].

Третья волна. Исследователи восточного зарубежья особо отмечают еще один период, связанный с эмиграцией русского населения на Восток, а именно – в Маньчжурию. Это середина 20-х – 30-е гг., когда переходили на китайскую территорию из приграничных районов отдельные советские граждане и семьи, «недовольные сутью и методами проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, осуществляемых в большинстве случаев насильственно» [24, с. 162; 20, с. 563].

В Маньчжурию в 20-30-е гг. XX в. эмигрировала и значительная группа старообрядцев из Приамурья и Приморья, часть которых впоследствии поселилась в Харбине, а другая часть образовала недалеко от него несколько старообрядческих сел [20, с. 566; 25, с. 303]. Старообрядческие хозяйства на Дальнем Востоке отличались добротностью, зажиточностью, но, как пишет Ю.В. Аргудьева, «действия советской власти в 20-30-е гг. практически свели к нулю все усилия крестьянина-старовера по созданию крепкого хозяйства... раскулачивание и коллективизация послужили причинами возникновения взрывоопасной ситуации, вылившейся в 1932 г. в так называемое Кхунинское восстание старообрядцев на северном побережье Приморского края. Эти причины и обусловили исход части староверов в Маньчжурию, куда они перебирались тайно, теряя в пути часть членов семейных коллективов» [20, с. 566-567]. Об этом же см. у В. Кобко: «Исход самой крепковерующей и зажиточной части староверов с приморской земли в нач. 30-х гг. XX в. был вызван насильственной коллективизацией и репрессиями. Сотни семей вынуждены были уйти из Приморья «под крыло змея», так называли староверы соседний Китай» [25, с. 303].

С целью создания полной характеристики русского населения в Китае необходимо особо отметить район так называемого Трехречья – долине рек Ган, Дербул и Хаул, куда с начала 20-х гг. отмечается большой приток русских и где к середине 20-х гг. было уже 19 [26, с. 187], а по другим данным, – 25 русских поселений [27, с. 134]. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои родные станицы. «Благодаря казачьему укладу жизни, основанному на принципах демократии, общинного землепользования, взаимовыручки, не обремененный тяжестью налогов, край богател и обеспечил людям высокий достаток, где понятие «бедность» стало весьма относительным: бедным считался тот, у кого во дворе было менее 30 голов скота и он освобождался от поселковых налогов» [26, с. 187].

Вот как описывается Трехречье в одном из эмигрантских изданий:

«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ган, Дербун и красавицей Аргуною, плавню несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивника, разметался привольный край, называемый русскими Трехречьем...

Это всхолмленная степь, кое-где прорезанная лесными массивами, сбегаящими с предгорьев Хингана, географически тяготеющая к Барге, была еще три-четыре де-

сятка лет тому назад настоящей пустыней, почти не имевшей остоянного оседлого населения.

Жители соседнего Забайкалья, однако, хорошо знали этот привольный девственный край. В ту пору, когда государственные границы еще почти совсем не охранялись в этом глухом углу, они нередко посещали его как охотники, а летом выгоняли сюда на пастбища свой скот, уплачивая за это небольшие деньги охранявшим его монголам.

Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к «китайской стороне» и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трехречье увидело у себя русских беженцев.

Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так создался в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [Рубеж. 1941. № 4].

Кроме того, русские беженцы оседали в приграничных населенных пунктах, но по другую сторону – в чужой стране. Свидетельства об этом имеются в художественных произведениях писателей русского восточного зарубежья. См., напр., повесть харбинского литератора Арсения Несмелова «Драгоценные камни» [28], а также публикации в современной периодике последних лет о потомках русских в бывших русских деревнях на китайской стороне [Жэньминь жибао, 2007; Комсомольская правда, 2007; Город (Благовещенск, 2007)].

Беженство русского крестьянства из приграничных территорий в Маньчжурию с середины 20-х и в 30-е гг. XX в. можно рассматривать как третью волну восточной эмиграции.

Других массовых движений россиян на Восток, которые можно было бы определить как волны эмиграции, не наблюдалось. По мнению исследователей, «основная масса российских переселенцев появилась в Китае в начале 20-х гг. В дальнейшем ее пополнение за счет новоприбывших шло уже не так интенсивно, а к 1945 г. упало до минимума и прекратилось совсем» [24, с. 162].

Такие параметры как социальный состав миграционных потоков из России на Восток, мотивы эмиграции, а также отличные от западной эмиграции условия существования русскоязычной колонии в Китае определили в конечном итоге некоторые особенности русского языка в восточном зарубежье, заключающиеся, в частности, в отсутствии в нем ассимилятивных тенденций, в высокой степени сохранности родного языка вне метрополии на протяжении нескольких поколений эмигрантов. В то же время анализ русского языка в восточном зарубежье показывает общие с русским языком в западной эмиграции тенденции развития, что позволяет говорить о наличии собственно языковой специфики у русского языка зарубежья, а это является важным аргументом для того, чтобы язык зарубежья определять как одну из форм существования русского национального языка.

1. Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Статьи по общему языкознанию. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1968. – С. 75-89.

2. Жирмунский В.М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. – М.: Наука, 1968. – С. 22-38.

3. Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С.5-24.

4. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, метод. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

5. Крысин Л.П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 33-40.

6. Шор Р.О. Язык и общество. – М., 1926 // Цит. по: Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социолингвистика и социология языка. – СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 336 с.

7. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 4-11.

8. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / под ред. Е.В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-68.

9. Лазарева С.И. Российская эмиграция в Маньчжурии: проблемы социальной адаптации (20-е – середина 40-х гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: АМГУ, 2003. – С.239-244.

10. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX-XX вв.: Очерки. – М.: ООО «Издательство Элпис», 2005. – 448 с.

11. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / отв. ред. Е.А.Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – С. 19-340.

12. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. – С. 341-492.

13. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Статьи по общему языкознанию. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1968. – С. 206-224.

14. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. – М.: ИРЯЗ, 1995. – 176 с.

15. Пфайндль Х. Русскоязычный эмигрант «третьей» и «четвертой» волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 5/6. – С.101-108.

16. Эндриус Д. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. – 1997. – № 2. – С. 18-30.

17. Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Сер. литературы и языка. – Т. 63. – № 2. – 2004. – С.42-52.

18. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 276 с.

19. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М.: ИД ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.

20. Аргудяева Ю.В. Православное восточнославянское население в Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: АМГУ, 2002. – С.563-569.

21. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

22. Дубинина Н.П., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 70-84.

23. Куликова Н.В. О политико-правовом положении русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае (1918-1924) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: АМГУ, 2001. – С. 164-168.

24. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Миграционный потенциал русских эмигрантов в Китае (20-30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: АМГУ, 2001. – С.161-164.

25. Кобко В. Старообрядческая община в Маньчжурии. 1936-1945 // Рубеж. Тихоокеанский альманах. – Владивосток, 2007. – № 7 (869). – С.303-310.

26. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв.: Сборник статей и публикаций. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. – 304 с.

27. Аблажей Н.Н. Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. – Благовещенск: АМГУ, 2001. – С. 130-136.

28. Несмелов А. Драгоценные камни. Повесть // Собр. сочинений. – Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. – Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006. – С. 481-510.